

Клавдия Владимировна Лукашевич

Из деревни...

Клавдия Лукашевич

Из деревни...

«Public Domain»

1896

Лукашевич К. В.

Из деревни... / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1896

«Холодный, хмурый день поздней осени. Ревет ветер, срывает желтые листья, подымает пыль столбом... Свинцовые тучи заволакивают небо. По проселочной дороге плетется одинокая путница с небольшим узелком за плечами, – плетется она тихо, печально опустив голову...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Клавдия Владимировна Лукашевич

Из деревни...

(Акуля)

I

Холодный, хмурый день поздней осени. Ревет ветер, срывает желтые листья, подымает пыль столбом... Свинцовые тучи заволакивают небо. По проселочной дороге плетется одинокая путница с небольшим узелком за плечами, – плетется она тихо, печально опустив голову.

Путница взошла на гору и остановилась, спустила узелок с плеча на траву около камня и обернулась в ту сторону, где вдали под горою раскинулось село, блестел крест сельской церкви, виднелись скромные могилы. Крупные слезы одна за другой так и покатились по лицу девушки.

Она была очень молода, одета в синюю деревенскую поддевку, пестрый сарафан, сапоги с подковами и ярко-красный с зелеными разводами платок на голове. Полное, румяное, мило-видное лицо девушки было заплакано и выражало затаенную грусть. Она стала креститься порывисто и скоро...

– Прощай, матушка родимая, прощай, батюшка-кормилец... Гляньте, родненькие, с того света на свое дитятко, благословите сироту в путь-дорогу... – певуче причитала девушка. – Ох, горько покинуть вас... Прощай, родная сторонка... – Девушка припала к земле, плакала и целовала ее.

Ветер ревел и злился сильнее. Одинокая путница снова поплелась по дороге. Гора скрыла от нее и село, и погост, а впереди дорога узкой полосой уходила в лес.

Вот загромыхла телега, вдали показалась пегая лошаденка, проехал старик на возу сена... Путница на ходу молча поклонилась ему в пояс...

Старик проехал было мимо, но, спохватившись, попридержал лошадь.

– Эй, красавица!.. Поди-кось ко мне, милая... Никак Акуля Петрушихина?

Девушка вернулась.

– Да, дедушка Мирон. Я самая.

– Не признал, касатка, не серчай... Стар, плохо вижу...

– Ничего, дедушка.

– В Питер идешь, болезная?

– Иду, дедушка... Боязно, знаешь, – голос девушки задрожал.

– Терпи, девонька... Не убивайся... Бог не оставит.

– Терпела я немало в братнем доме, дедушка Мирон, терпела... Слышал, поди, какое было мое житье!

– Что делать, Акуля... Крутая у вас невестка-то, нравная, Господь с ней. – Старик задумался.

– Не помню я зла... Племянников жаль: всех их выходила... Болит сердце-то по ним... – Акуля заплакала.

– Не тумань ясных очей... Придут и красные дни. Береги себя... Помни, на какое житье благословили тебя родители...

– Разве можно забыть, дедушка! – промолвила тихо Акуля.

– Богобоязненные твои родители, Акуля, редкие, можно сказать, люди по нынешним временам!

– Да, у батюшки с матушкой знала я ласку да тепло, а теперь увидала одно горе да слезы... Ох, тяжело, дедушка, сироте. Сердце так и ноет, так и сосет...

– Не крушись, дитятко! Царица Небесная – твоя заступница! Есть на свете и жалостливые люди... Надоумят, помогут...

– Спасибо, дедушка Мирон, на добром слове... Будто и на душе полегче стало...

– Я что ж... я тебя жалеючи, милая...

– Вот, дедушка... как с господами-то я речь поведу? Боязно!..

– Не чуждайся господ, касатка... Говори таково ласковенько, скромненько...и ладно будет...

– Боязно!!! Господа не нам чета, – вздохнула Акуля и покачала головой.

– Как же ты доберешься, Акуля?

– Да по чугунке, дедушка... Может, земляков ветречу... Добрых людей поспрошу... Сказывают, через день-два и в Питере буду.

– Помоги тебе Христос, милая! Добрый путь!

– Прости, дедушка!.. Кланяйся на селе всем... всем... – голос Акули дрогнул, и она закрылась рукавом.

– Прости, лапушка... Бог с тобой!

– Не поминай лихом, дедушка Мирон, коли в чем по молодости, провинилась... Не гневись!..

Старик дернул вожжами; опять побежала лошаденка; поскрипывая, застучала телега.

Акуля долго стояла неподвижно и, пока старик не скрылся, провожала его печальным взглядом.

II

В небольшой гостиной горела лампа и приятным светом обливала красную, шелковую мебель, портьеры, в золоченых рамах олеографии по стенам и цветы на окнах; на диване перед круглым столом, покрытым бархатной пестрой скатертью сидела немолодая дама; она ела яблоко и раскладывала пасьянс.

Дама эта была полная, румяная и белая: на руках – множество колец и браслетов, в ушах – большие золотые серьги.

В комнату вбежал, подпрыгивая, мальчик лет 12, тоже очень полный, румяный и, как две капли воды, похожий на сидевшую даму.

– Мамаша, там на кухне новая кухарка пришла наниматься, – сказал мальчик.

– Фу ты, как они мне надоели! И все-то они гроша медного не стоят!

– Молодая, курносая... Такая смешная! В красном сарафане с зелеными разводами. Просто деревенщина! – рассказывал, смеясь, мальчик.

– Ну, зови ее, Петя, сюда. Да присмотри, чтобы она чего мимоходом не стащила!

В комнату боязливо, неуклюже ступая, вошла Акуля. Одета она была по-деревенски, но чистенько: рубашка белая с пышными рукавами, сарафан домотканый; толстая русая коса спускалась ниже пояса и была завязана розовой ленточкой. Девушка от волнения и страха мяла в руках передник и пугливо озиралась. Войдя в комнату, она перекрестилась широким крестом на икону и сказала:

– Здравствуйте!

– Ты откуда, голубушка? – приняв важный вид, спросила ее барыня.

– Из деревни мы... Прямо из деревни, милая, – отвечала поспешно девушка, обнажив улыбкой белые, ровные зубы и кивая головой.

– Что ж ты умеешь делать?

– А все, милая, умею делать...

Мальчик, стоявший у окна, громко фыркнул. Акуля обернулась и удивленно посмотрела на него.

– Это твой будет паренек? – спросила она, указывая пальцем на Петю.

– Да, это мой сын. Что ж ты умеешь и стряпать, и стирать, и гладить? – спросила насмешливо барыня.

– Может, и не потрафлю... А что покажешь, то и умею... Я рада стараться, милая...

– По-моему, ты ровнехонько ничего не смыслишь... Вы, деревенские, очень зазнались и воображаете о себе невесть что... Вас приучишь, а вы потом какую-нибудь гадость сделаете господам...

– Пошто ж, милая! Насчет этого не сумлевайся.

– Как тебя зовут?

– Акулей звать.

– Ну, вот что, Акулина. Мне нужна работница хорошая, честная... Я не намерена прислугу даром хлебом кормить... Тебе придется все делать: стряпать, стирать, гладить, полы мыть. Петю в школу провожать. Жалованья тебе – два рубля в месяц, горячее – со стола. Завтра можешь перебраться.

– Я рада стараться, милая... рада...

– Прежде всего ты должна выучиться говорить и не тыкать мне. Какая я тебе – «милая»?! Я для тебя – барыня. Мой сын тоже для тебя не «паренек», а барин, понимаешь?

– Как не понять! Говорить, как хошь, так и буду...

– Ну, хорошо, ступай. Завтра переедешь.

– Вот-то деревенщина!.. – сказал ей вслед Петя, громко рассмеялся и стал прыгать по комнате, как молодой теленок весной.

Акулина поступила на место. Жутко и тоскливо показалось ей, после деревенского простора, после зеленых лесов и полей, после вольного воздуха, в полутемной, крошечной кухне, в жаре и чаду...

Барыня ее, купчиха Анфиса Петровна, оказалась вспыльчивой и сварливой. Сам барин, Пахом Федулович, кроме своего магазина и барышей, знать ничего не хотел. Разве придет когда «выпивши» да нашумит.

Петя был избалован, отлынивал от ученья, целыми днями ничего не делал, валялся по диванам, по кушеткам, и больше всего на свете любил сладко поесть.

Анфиса Петровна целыми днями кричала на молоденькую кухарку: ничего толком не покажет, а требует, бранит и сердится.

– Как ты сапоги чистишь, Акулька? Тебе говорю – не так...

Акуля не знала, как и приняться-то ей за чистку сапог.

– Что ты подаешь, бестолковая? Смотри, в полоскательную чашку соус кладешь!.. О, и терпенье же надо с тобой!

У Акули не ладилось непривычное дело, она портила вещи, ломала и била посуду.

Барыня себя не помнила от гнева, подбегала и дергала девушку за косу.

– Деревенщина, мужичка! Противная девчонка! Ты и вся-то не стоишь того, что ты мне перебила. Выгоню я тебя вон...

Акуля боялась своей барыни как огня и, заслышав ее шаги, вся тряслась от страха.

Петя постоянно подсматривал за кухаркой и жаловался матери.

– Мама! Акулина опять что-то ест. Она, кажется, из кастрюли доставала...

Анфиса Петровна с гневом влетала в кухню.

– Акулька, ты, кажется, воображаешь, что в гостиницу поступила?! У тебя кусок изо рта не выходит!.. Как смела ты, обжора, в кастрюлю лезть за жарким? Вы разорить хотите господ!..

– Барыня, да я хлеба кусочек взяла... Вот посмотрите... посолила и ем.

– На вас хлеба не напасешься. Давно тебя надо вон выгнать...

Акулина молчала как убитая, но нелегко было ей. Она спала в углу в кухне на войлоке и на своей жесткой постели много слез пролила по деревне, и прошлая ее жизнь казалась ей теперь такой хорошей.

Один раз Петя позвал Акулину к матери с каким-то особенным видом...

– Иди-ка, иди, голубушка... Посмотрим... – таинственно страдал он; а когда девушка проходила по коридорчику, Петя шепнул ей: «Воровка».

Акуля вздрогнула, точно кто ее ударил кнутом. Что это значит?

– Петя, закрой все двери, – приказала Анфиса Петровна, когда они вошли в комнату.

Акулине стало почему-то страшно.

– Послушай, Акулина, мы с тобой говорим наедине... У меня пропали пять рублей... я их вчера тут на комодке оставила... Не видела ли ты их?

– Куда же им пропасть! Заложили вы их, барыня... Пошарьте – найдутся, – тихо проговорила Акулина и бросилась обыскивать комнату.

– Пожалуйста, не беспокойся, я искала везде сама... Кроме тебя, никто не входил в комнату... И ты должна признаться, где деньги?

– Да разве я знаю? Что вы, барыня?! Христос с вами! Я и в глаза-то их не видела!

– Деньги у тебя! Понимаешь? Ты их украла, – медленно и раздельно произнесла Анфиса Петровна, подойдя к кухарке и глядя не нее в упор.

Акулина взвыла на всю комнату.

– Я?! Я?! Пошто ж так обижать? Разве у меня на шее креста нет!?

– Предупреждаю тебя, Акулина, я заявлю в полицию, и там рассудят...

Девушка повалилась в ноги, горько рыдая.

– Не погубите, барыня... желанная... не брала я... и не видела... Ох, не погубите... пожалейте...

Акулина больше всего на свете боялась полиции и участка.

– Вон пошла из комнаты! – крикнула разгневанная барыня.

– Еще не сознается?! Воровка! – сказал запальчиво Петя.

Акулину вызвали в участок. Начались допросы, дома ее обыскали.

– У нас и в роду-то этого нет!.. Родители бы в могилках повернулись, кабы да я такую срамоту сделала... Ишь ты, грех какой!.. Сиротинка я горькая, – причитала, рыдая, девушка на все расспросы.

Улик в воровстве не было, и Акулю отпустили. Она была покойна, потому что не знала за собою никакой вины, а на самом деле было и горько и обидно.

В это время Анфиса Петровна нашла свои пять рублей, она сама же засунула их в книгу, а книгу поставила на этажерку и забыла. Сконфузилась она наедине с собой, но не нашла в себе достаточно мужества, чтобы снять подозрение с невинной девушки.

«Вот еще, перед девчонкой унижаться? Не велика беда!» – подумала она и решила поскорее отказать Акулине.

– Ищи себе, Акулина, другое место. Ко мне поступает старая кухарка, – солгала она. – Я тебе должна десять рублей; четыре я вычитаю за разбитую посуду, за порванные полотенца: вот остальные, и уходи с Богом!

Дело было перед праздником, перед Рождеством. Собрала Акуля свой узелок и, затаив в душе обиду на несправедливость людей, покинула свое первое место.

– Прощайте, барыня, прощайте, Петенька, – сказала она в дверях.

Никто не ответил ей.

Оскорбленная девушка молча вышла на улицу.

На улице было шумно и весело: стоял легкий мороз, сверкал белый снег, выпавший накануне, неслись и поскрипывали сани... Народ спешил с покупками в самом веселом настроении... Чего-чего, только не было выставлено в окнах магазинов, а у каждой зеленой лавки – целые леса елок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.